

ВЗОР

**ФАВОРИТКА, ЗАЙМИ
СВОЕ МЕСТО!**

18+

Максим Взор

Фаворитка, займи свое место!

«Автор»

2026

Взор М.

Фаворитка, займи свое место! / М. Взор — «Автор», 2026

Она умела решать любые задачи. Но оказалась в теле женщины, которую кто-то уже решил уничтожить. Вероника Лебедева — тридцатилетняя преподавательница математики, привыкшая просчитывать вероятности, носить вызывающие платья и не бояться сложных вопросов. После загадочной вспышки она приходит в себя в 1761 году — в теле восемнадцатилетней княгини Екатерины Романовны Дашковой. При дворе императрицы Елизаветы каждый жест становится уликой, каждое слово — оружием. Настоящая Дашкова исчезла, расследуя деятельность тайного общества «Нулевая сумма». Теперь его участники уверены, что Вероника знает слишком много. Единственный, кому она решается довериться, — великая княгиня Екатерина Алексеевна, будущая императрица. Между двумя женщинами вспыхивает опасная игра: интеллектуальное соперничество, взаимное любопытство и притяжение, которое нельзя назвать вслух. Но при дворе быть союзницей Екатерины — риск. Быть её фавориткой — смертельная опасность

© Взор М., 2026

© Автор, 2026

Максим Взор

Фаворитка, займи свое место!

Глава 1. Формула случайности

— История, — сказала Вероника Лебедева, — вовсе не хаос. Это система, в которой слишком много переменных.

Она стояла у доски, зажав между пальцами белый маркер, и смотрела на слушателей поверх очков в тонкой золотой оправе. В первом ряду сидели преподаватели университета, два скучающих чиновника из какого-то фонда и студентка в зелёном свитере, которая уже десять минут фотографировала не формулы, а саму Веронику.

Вероника привыкла к подобному вниманию. Она знала, что красная помада и платье цвета тёмного вина плохо сочетаются с образом строгого математика, зато отлично удерживают аудиторию после третьего слайда о статистической погрешности.

— Если мы видим только результат, — продолжила она, — случайностью кажется даже то, что было заранее подготовлено. Вопрос лишь в том, достаточно ли у нас данных, чтобы восстановить скрытую закономерность.

Она написала на доске ряд чисел:

2, 3, 5, 7, 11, 13...

— Простые числа. На первый взгляд — беспорядочная россыпь. Но если знать, как смотреть, они начинают говорить.

За окнами гремел сентябрьский дождь. Москва размывалась в сером стекле, фонари уже зажглись, хотя было ещё не поздно. Вероника обернулась к экрану, где застыл последний слайд лекции: портрет старой женщины в чепце и платье XVIII века.

Подпись гласила: **Екатерина Романовна Дашкова.**

— Она была директором Петербургской академии наук, — сказала Вероника. — Редкий пример человека, который сумел превратить ум в политическую силу. Не просто знать больше других, а понимать, кто и зачем пытается изменить правила игры.

Слушатели оживились. Дашкова всегда вызывала интерес, особенно у тех, кто любил истории о дворцовых переворотах, тайных письмах и женщинах, которым приходилось мыслить быстрее мужчин.

После лекции к Веронике подошёл пожилой профессор в мокром плаще.

— Вы слишком уверенно говорите о закономерностях, — заметил он.

— Математика не любит неуверенности.

— А история любит.

Он улыбнулся, но глаза его остались серьёзными.

— Вам передали это.

Профессор протянул ей небольшой веер. Пластины были потёрты, роспись почти стёрлась, но на одной из них виднелась миниатюрная фигурка женщины с высоким лбом и внимательными глазами.

— Откуда он у вас?

— От человека, который не захотел назвать себя.

— И почему передали мне?

— Возможно, вы сами знаете.

— Если бы знала, не спрашивала бы.

Профессор уже отходил.

— Внимательно посмотрите между пластинами, Вероника Андреевна.

Она хотела окликнуть его, но в дверях лекционного зала никого не было.

Веер оказался тяжелее, чем выглядел. Вероника раскрыла его, провела ногтем по краю. Между двумя пластинами действительно что-то застряло — тонкая полоска бумаги.

Она вытащила её пинцетом из сумочки, который всегда носила с собой для работы с мелкими деталями на лекционных макетах.

На бумаге было написано:

ФАВОРИТКА, ЗАЙМИ СВОЁ МЕСТО.

Вероника усмехнулась.

— Очень смешно.

Она перевернула полоску. На обратной стороне стоял ряд цифр:

2—3—5—7—11—13—17.

Первые простые числа.

Дождь усилился. В коридоре погас свет, и университет погрузился в серую полутьму. На мгновение Веронике показалось, что изображение Дашковой на экране изменилось. Не лицо — выражение. Будто старинная женщина смотрела прямо на неё и знала, что произойдёт дальше.

— Устала, — пробормотала Вероника.

Она сложила веер и направилась к выходу.

На лестнице ей позвонила мать. Вероника не услышала. Телефон завибрировал, выскользнул из руки и упал на ступеньку. Экран треснул.

В тот же миг молния ударила где-то совсем рядом.

Свет вспыхнул не за окном, а внутри веера.

Вероника увидела белое поле, услышала чей-то женский голос:

— Не занимай место, если не готова его удержать.

Потом мир исчез.

Глава 2. Княгиня в зеркале

Первым Вероника почувствовала запах.

В нём смешались уксус, горячий воск, сушёные травы и что-то горькое, похожее на полынь. Затем она услышала женский плач.

— Государыня, умоляю, откройте глаза.

«Я не государыня», — хотела сказать Вероника, но губы не послушались.

Она попыталась вдохнуть и закашлялась. Тело отозвалось болью в виске, плече и рёбрах. Кто-то поднёс к её лицу влажную ткань.

— Тише, княгиня. Тише.

Вероника открыла глаза.

Над ней склонилась девушка в белом чепце. Лицо было заплаканным, но молодым. За её спиной колыхались занавеси, вышитые золотыми цветами. Потолок казался слишком высоким. На столике горела свеча, хотя за окном стоял яркий день.

Вероника моргнула.

— Где я?

Девушка отшатнулась.

— Вы... вы меня слышите?

— Вполне. Где мой телефон?

— Что?

— Телефон. Чёрный, с треснувшим экраном.

Девушка перекрестилась.

— Лизавета Петровна, позовите лекаря!

«Так. Паническая атака. Обморок. Галлюцинации».

Вероника попыталась сесть, но тело было слабым. К тому же на ней оказалась длинная ночная рубашка из грубого полотна. Волосы распущены и тяжёлой волной лежали на плечах.

В комнату вошёл мужчина с седыми бакенбардами. Он принялся осматривать её так деловито, словно она была не человеком, а неисправным механизмом.

— Сколько пальцев?

— Пять.

— Хорошо. Как ваше имя?

— Вероника Лебедева.

Лекарь нахмурился.

Служанка всхлипнула.

— Княгиня Екатерина Романовна, — медленно произнёс мужчина, — вы помните, как вас зовут?

— Я помню, как зовут меня.

— Назовите себя.

Вероника села. В виске стучало.

— Вероника Андреевна Лебедева.

Служанка снова перекрестилась.

— Она забыла, — прошептала девушка.

Лекарь бросил на неё недовольный взгляд.

— После падения кареты такое бывает. Память может вернуться не сразу.

— Какой сейчас год? — спросила Вероника.

Мужчина посмотрел на неё с сомнением.

— Тысяча семьсот шестьдесят первый.

Вероника рассмеялась.

Смех получился слишком высоким и испуганным.

— Конечно.

Она откинула одеяло и встала. Ноги подкосились, но служанка поддержала её. На полу лежала пара туфель с пряжками. У двери стоял дорожный сундук. За окном виднелся сад, покрытый жёлтыми листьями, а дальше — широкая река и башни города.

Не декорация. Не музей. Настоящий воздух, настоящий холод от неплотно закрытого окна.

Вероника подошла к зеркалу.

Сначала она увидела бледное лицо. Затем детали стали складываться: густые каштановые волосы, тонкая линия бровей, большие серо-зелёные глаза, родинка у левого уголка губ.

Лицо было незнакомым.

Но где-то внутри него жила память.

Вспышкой возникли чужие картины: маленькая девочка, прячущаяся за тяжёлой портьерой; запах чернил; голос матери; мужчина в синем кафтане; золотая брошь в форме стрелы; холодная ладонь на запястье.

Вероника отшатнулась от зеркала.

— Кто я?

Никто не ответил.

За дверью послышались шаги. Служанка выпрямилась, лекарь убрал инструменты.

— Князь Михаил Иванович, — объявила она.

Вошёл молодой мужчина лет двадцати пяти. Высокий, хорошо сложенный, с тёмными волосами и глазами, в которых не было ни малейшего испуга. Он посмотрел на Веронику внимательно, почти оценивающе.

— Екатерина Романовна.

Она не ответила.

— Вы узнаете меня?

Вероника почувствовала, как в памяти чужого тела шевельнулось имя.

Михаил. Муж.

Внутри поднялась такая волна отвращения и тревоги, что она едва не потеряла равновесие.

— Я знаю, кто вы, — сказала она.

— Тогда назовите.

— Князь Дашков.

Он едва заметно изменился в лице.

— Уже лучше.

— А что было до этого?

— Вы упали с лошади.

Вероника посмотрела на него.

— Мне сказали, что была карета.

— Вам много чего скажут.

Эта фраза прозвучала негромко, но в ней было предупреждение.

Князь подошёл ближе. От него пахло кожей, табаком и холодным воздухом.

— Вы провели ночь в дороге, Екатерина Романовна. Утром вашу карету нашли у обочины. Лошадь была ранена, кучер исчез, а вы лежали без сознания.

— Кучер исчез?

— Да.

— И никто не знает, куда?

— Никто, кому можно верить.

Вероника снова посмотрела на зеркало.

Чужое лицо отражало её испуг. Но под испугом уже просыпалось другое чувство — холодное, почти профессиональное внимание.

Если это сон, он слишком подробен.

Если безумие — слишком логично.

Если правда...

Она закрыла глаза.

В памяти всплыло имя, которое лекарь произнёс минуту назад.

Екатерина Романовна Дашкова.

И вместе с ним — ощущение падающей кареты, резкий запах крови и мужской голос:

— Вы должны были молчать, княгиня.

Глава 3. Муж по документам

Через час Вероника уже сидела у окна в платье, которое казалось ей сложнее любой театральной декорации.

Сначала на неё надели тонкую рубашку. Затем корсет. Затянули его так, что Вероника поняла: XVIII век не признаёт ни свободного дыхания, ни личных границ. После корсета последовали нижняя юбка, ещё одна юбка, лиф, рукава, ленты и украшения.

— Кто придумал всю эту систему? — спросила она, когда служанка пыталась закрепить на её спине третий ряд крючков.

— Систему?

— Одежду.

— Портные, полагаю.

— Портные должны быть наказаны.

Служанка осторожно улыбнулась.

— Вы прежде никогда не жаловались.

— Прежде я была глупее.

Девушка замерла.

Вероника поймала своё отражение в маленьком зеркале. Образ был вызывающим даже по меркам её собственного времени: глубокий синий шёлк, подчёркивающий талию, белый кружевной воротник, волосы, собранные высоко и перевитые жемчугом.

Она не знала, была ли Дашкова такой в действительности, но наряд явно сообщал окружающим: эта женщина привыкла, чтобы на неё смотрели.

Вероника подняла подбородок.

— Как вас зовут?

— Акулина.

— Акулина, скажите мне правду. Я часто вела себя... странно?

Служанка перестала расправлять складку на юбке.

— Иногда.

— В каком смысле?

— Вы говорили то, чего другие не говорили.

— Это не странность. Это отсутствие осторожности.

— Вы могли рассердиться на князя Михаила Ивановича при гостях.

— И он терпел?

— Иногда.

— А иногда?

Акулина опустила взгляд.

— Иногда вы мирились.

По тону служанки Вероника поняла, что слово «мирились» здесь означало не разговор за чаем.

Она отвернулась к окну.

Снаружи подъехала карета. Из неё вышел мужчина с узким лицом и пухлыми губами. Он держал трость, хотя не нуждался в ней. Его сопровождали двое слуг.

— Кто это?

— Господин Крылов. Управляющий князя.

Вероника кивнула.

В голове возникло ещё одно воспоминание: Крылов стоит над письменным столом, листает бумаги и говорит:

— Княгиня, ваши расходы уже невозможно скрывать.

Она прикрыла глаза.

Воспоминания появлялись не как цельная жизнь, а как карточки, выданные случайным порядком. Лицо. Голос. Запах. Прикосновение. Ни одной даты, ни одного связного объяснения.

Дверь открылась.

Михаил Дашков вошёл без приглашения и остановился у камина. Теперь он был в тёмно-зелёном кафтане, с серебряной вышивкой на манжетах.

— Вы выглядите лучше.

— В этом платье невозможно выглядеть иначе.

— Значит, память возвращается?

— Частично.

— Что именно вы помните?

Вероника поставила чашку на блюдце. Чай был слишком крепким и пах травами.

— Вечер. Потом дорогу. Потом удар.

— Больше ничего?

Она внимательно посмотрела на него.

— А что я должна помнить?

— Например, с кем вы встречались перед отъездом.

Он сказал это слишком быстро.

Вероника отметила про себя.

— Я встречалась с кем-то?

— Вы сами скажите.

— Если бы могла, сказала бы.

Михаил улыбнулся, но улыбка не коснулась его глаз.

— Не стоит принимать меня за врага, Екатерина Романовна.

— А вы им не являетесь?

— Я ваш муж.

— Это не одно и то же.

В комнате стало тихо. Акулина опустила голову и быстро вышла.

Михаил подошёл к столу.

— Вы изменились.

— После падения с лошади люди иногда меняются.

— Нет. Вы изменились до падения.

Вероника ничего не ответила.

Он положил на стол конверт.

— Это нашли среди ваших вещей.

На восковой печати виднелся герб, который Вероника не узнала. Чёрный круг, перечёркнутый тонкой вертикальной линией.

— Что внутри?

— Вы знаете.

— Если бы знала, не спрашивала бы.

Михаил наклонился к ней. Слишком близко. В памяти тела вспыхнуло ощущение: его пальцы на её подбородке, жаркий шёпот, собственное раздражение.

Вероника резко отступила.

— Не прикасайтесь ко мне.

Он замер.

— Я и не собирался.

— Тогда не подходите так близко.

Несколько секунд супруги смотрели друг на друга.

Михаил первым отвёл взгляд.

— При дворе уже говорят, что вы встречались с неизвестным мужчиной в ночь перед происшествием.

— И что же этот неизвестный мужчина делал?

— Этого никто не знает.

— Тогда почему говорят?

— Потому что неизвестность всегда интереснее правды.

— А какая правда?

Михаил взял конверт.

— Вы задолжали деньги графу Орлову.

Вероника почувствовала, что это имя отзывается в памяти тела, но не смогла понять почему.

— Я?

— Вы.

— Сколько?

Он назвал сумму.

Вероника мысленно перевела её в современные деньги и поняла, что речь идёт о состоянии.

— И что я купила на такие средства?

— Не вы. Я.

Он отвернулся к окну.

— Долг должен быть погашен в течение двух недель. Если нет, бумаги попадут в руки людей, которым не следует знать о наших обстоятельствах.

— Каких обстоятельствах?

— Ваших поездках. Вашей переписке. Ваших разговорах с великой княгиней.

Имя Екатерины прозвучало иначе, чем остальные. В нём было не раздражение, а тревога. Вероника это заметила.

— Я знакома с великой княгиней?

Михаил повернулся.

— Вы были ей близки.

— Насколько?

— Достаточно, чтобы враги считали вас её союзницей.

— А вы?

— Я считаю вас женщиной, которая слишком часто забывает, где находится.

— Возможно, теперь я как раз вспомнила.

Михаил сжал губы.

— Что?

Вероника улыбнулась. Не слишком тепло.

— Что нахожусь в комнате с человеком, который пришёл не узнать, как я себя чувствую, а проверить, не стала ли я для него опаснее.

Князь долго молчал.

Потом положил конверт обратно.

— При дворе опасно быть опасной, Екатерина Романовна.

— А безопасно быть глупой?

— Безопасно быть незаметной.

— Тогда вам не повезло с женой.

Когда он ушёл, Вероника подошла к конверту.

Печать была не просто чёрным кругом. На ней имелась едва заметная выемка — маленький треугольник.

Она провела по ней пальцем.

И вдруг вспомнила: настоящая Дашкова сидит ночью за письменным столом, ломает восковую печать, читает письмо и шепчет:

— Нулевая сумма.

Глава 4. Записка под китовым усом

К вечеру Вероника поняла, что в доме слишком много дверей и слишком мало людей, которым можно задавать вопросы.

Одни слуги избегали её взгляда. Другие смотрели с таким любопытством, будто ожидали, что княгиня сейчас заговорит чужим голосом или потребует вызвать священника.

Вероника решила начать с вещей.

В её комнате стояли два сундука, письменный стол, ширма, туалетное зеркало и несколько шкафов. На столе лежали письма, книги на французском и русском, засохшие чернила и серебряная коробочка с булавами.

Она выдвигала ящик за ящиком, пока не нашла потайное отделение.

Внутри лежала маленькая записная книжка.

Страницы были вырваны почти полностью. Осталась только одна, исписанная цифрами и точками.

2 / 3 / 5 / 7 / 11 / 13 / 17 / 19

Под рядом чисел стояло:

Не слова. Промежутки.

Вероника уселась за стол.

Числа могли обозначать буквы, страницы, строки. Но фраза про промежутки подсказывала другое. Она взяла первое письмо, которое лежало сверху, и измерила расстояние между строками. Почерк был изящным, но интервалы слегка различались.

Вероника сняла с шеи тонкую ленту и использовала её как меру. Затем сравнила письмо с другими.

В первом промежутки были почти одинаковыми. Во втором — чередовались: короткий, короткий, длинный, короткий. В третьем после каждой седьмой строки появлялся едва заметный сдвиг.

Она записала последовательность:

2—3—5—7—11—13—17.

Те же простые числа.

— Ну конечно, — пробормотала Вероника. — Зачем писать шифр, если можно спрятать его в типографии?

Она расстелила на столе несколько листов и начала считать. В письмах повторялись одинаковые ошибки: слишком широкое расстояние перед определёнными словами, лишний пробел после точек, едва заметные пропуски букв.

Если брать каждую вторую строку, затем третью, потом пятую, получалась бессмыслица. Но если использовать простые числа как номера строк, из выбранных букв складывалась фраза:

МАСКАРАД. ПОЛНОЧЬ. ЗАЛ СЕВЕРНОЙ ГАЛЕРЕИ.

Вероника откинулась на спинку стула.

Маскарад. Сегодня вечером.

В дверь постучали.

— Войдите.

Появилась Акулина с платьем на руках.

— Это велено приготовить к вечеру.

— Кем велено?

— Князем.

— А он собирается на маскарад?

— Нет.

— Почему тогда платье для меня?

Акулина замялась.

— Князь сказал, что вам следует показаться людям. Чтобы не возникало лишних разговоров.

— Разговоров о моей памяти?

— О многом.

Вероника развернула платье. Серебристый шёлк, чёрные ленты, глубокий вырез, который выглядел смелым даже без знания местной моды.

— Удивительно. Когда муж хочет продемонстрировать, что жена не опасна, он одевает её так, чтобы все смотрели только на грудь.

Акулина покраснела.

— Княгиня!

— Это не упрёк платью. Платье прекрасно.

Она приложила ткань к себе и посмотрела в зеркало.

В отражении стояла женщина, которую легко было принять за опасную. Не из-за оружия или громких слов. Из-за того, что она знала цену своему появлению в комнате.

На корсете, под правой грудью, что-то мешало.

Вероника нахмурилась. Она ощупала шов и нашла маленькое уплотнение. Булавкой распорол несколько стежков.

Изнутри выпала полоска бумаги.

На ней было написано:

Не верь женщине с жемчужной стрелой. Ищи ноль там, где его быть не может.

Вероника перечитала послание дважды.

— Кто такая женщина с жемчужной стрелой?

Акулина побледнела.

— Я не знаю.

— Вы слышали о ней.

— Нет, княгиня.

— Акулина.

Служанка опустила взгляд.

— В доме говорили. До вашего отъезда. Будто вас видели с одной дамой. У неё была брошь... в форме стрелы. Из жемчуга.

— Где видели?

— В старом павильоне у реки.

В памяти тела вспыхнула сцена: снег, чёрный плащ, белая жемчужная стрела у женского плеча.

И голос:

— Если Екатерина решится, вы должны быть рядом с ней.

Вероника сжала записку.

— Кто такая Екатерина?

Акулина удивлённо посмотрела на неё.

— Великая княгиня.

— Я знаю. Но почему я должна быть рядом с ней?

— Потому что вы её любите.

Слово повисло в воздухе.

Вероника почувствовала, как сердце ударило сильнее.

— Что?

— Не так, как говорят злые языки, — поспешно добавила Акулина. — Вы всегда говорили, что она единственный человек при дворе, с которым можно разговаривать.

— А злые языки что говорят?

— Что вы готовы ради неё на всё.

Вероника снова посмотрела на записку.

Внизу, почти незаметно, стояла ещё одна отметка:

0 ≠ отсутствие.

Математик внутри неё ожила.

Ноль не означал пустоту. Ноль был числом, точкой отсчёта, границей между отрицательным и положительным. Там, где его быть не может, следовало искать не пустое место, а скрытую величину.

Она подняла голову.

— Акулина, приготовьте мне маску.

— Вы поедете?

— Разумеется.

— Князь запретил.

— Тогда особенно разумеется.

Глава 5. Две Екатерины

Дворец встретил Веронику запахом воска, духов и свежей краски.

Её провели через несколько залов, где слуги и придворные расступались с почтительным любопытством. Вероника шла медленно, запоминая лица, двери и расстояния между ними. В XVIII веке дворец казался лабиринтом, построенным не архитекторами, а сплетнями.

Великой княгине она прежде не встречалась — по крайней мере, Вероника не могла найти такого воспоминания. Но тело Дашковой узнало дорогу.

За последней дверью находилась небольшая гостиная. У окна стояла женщина в светло-голубом платье. Она была выше Вероники, стройна, с правильными чертами лица и светлыми русыми волосами, собранными без излишней пышности.

Екатерина Алексеевна держала книгу.

— Оставьте нас, — сказала она камеристке.

Девушка поклонилась и вышла.

Екатерина не спешила оборачиваться.

— Я слышала, что вы забыли своё имя.

— Имя я помню. Забыла только, почему все вокруг считают это трагедией.

Екатерина повернулась.

В её взгляде не было ни тревоги, ни сочувствия. Только внимание. Холодное, глубокое и очень живое.

— Вы говорите иначе.

— После падения с лошади люди иногда начинают говорить иначе.

— Вы прежде не употребляли выражение «после падения с лошади» как универсальное оправдание.

— Приходится приспосабливаться.

Уголок губ Екатерины дрогнул.

— Подойдите.

Вероника не сдвинулась.

— Зачем?

— Хочу рассмотреть вас.

— Мне редко нравится, когда меня рассматривают без объяснений.

— Вы прежде позволяли мне больше.

— Значит, сегодня мне следует быть осторожнее.

Екатерина закрыла книгу и подошла сама. От неё пахло розовой водой и бумагой. Остановившись перед Вероникой, она подняла руку, но не коснулась её.

— Вы действительно не помните, что написали это письмо?

Она достала из рукава сложенный лист.

Вероника взяла его.

Почерк был похож на тот, что она видела в комнате Дашковой. Содержание, однако, заставило её нахмуриться.

Ваше императорское высочество, если вы хотите, чтобы перемена состоялась, доверьтесь только тому, кто займёт место у вашего плеча. Уберите из дворца тех, кто считает себя незаменимым. Первой должна уйти Елизавета.

— Я этого не писала, — сказала Вероника.

— Почерк ваш.

— Подпись?

— Ваша.

— Бумага?

— Из вашей комнаты.

— Тогда письмо поддельное.

Екатерина прищурилась.

— Так быстро?

— Подделка всегда оставляет след.

— Какой?

Вероника разложила письмо на столе.

— Бумага слишком новая для чернил. Видите, как они впитались? Писавший пытался состарить лист, но использовал состав, который оставляет на волокнах жёлтую кайму. Кроме того, вы написали бы «ваше императорское высочество» иначе.

— Вы уверены?

— Я не знаю, как писала настоящая Дашкова. Но знаю, как подделывают документы.

— Откуда?

Вероника посмотрела ей в глаза.

— У меня была работа, связанная с числами и людьми, которые любят выдавать ложь за закономерность.

Екатерина села.

— Это письмо должно было попасть к императрице. Если бы его прочитали там, последствия были бы неприятны для многих.

— В том числе для меня.

— Прежде всего для вас.

— Почему?

— Потому что вы подписали бы собственный приговор.

Вероника почувствовала холод под корсетом.

— А вы верите, что я не писала?

— Я верю, что человек, написавший это, хотел, чтобы я поверила в вашу вину.

— Значит, у вас есть враги.

— У меня нет ничего другого.

Екатерина произнесла это спокойно, почти шутливо, однако в словах не было преувеличения.

Вероника положила письмо на стол.

— Кто такая Елизавета?

— Елизавета Воронцова. Фаворитка императора.

— Императора Петра?

— Пока ещё великого князя. Но при дворе всегда следует учитывать, кем человек станет завтра.

— И вы хотите убрать её?

— Я хочу понять, кто пытается заставить меня это сделать.

На мгновение между ними установилась тишина.

Вероника заметила, как Екатерина держит левую руку. Пальцы едва заметно сжимались, будто она привыкла скрывать напряжение. За внешней мягкостью в ней чувствовалась воля, с которой не спорят дважды.

— Почему вы позвали именно меня?

— Потому что вы умеете смотреть на письмо и видеть не слова.

— Вы уже знали?

— Вы однажды объяснили мне, что в любой игре выигрывает не тот, кто знает все ходы, а тот, кто понимает правила.

— Это похоже на меня.

— Вы говорили это с таким видом, словно правила придумали лично.

— Возможно, я была самоуверенной.

— Вы были живой.

Слово прозвучало неожиданно.

Вероника не нашла, что ответить.

Екатерина встала и подошла к окну. За стеклом медленно сгущались сумерки.

— В эту ночь будет маскарад.

— Я знаю.

— Разумеется, знаете. Ваша записка приглашает вас туда.

Вероника резко повернулась.

— Вы обыскали мои вещи?

— Нет. Я попросила человека, который умеет это делать лучше меня.

— И кто же этот человек?

— Неважно.

— Для меня важно.

— Для вас сейчас важно другое. Если письмо поддельное, значит, кто-то ожидает, что вы придёте на маскарад. Возможно, чтобы убить вас. Возможно, чтобы обвинить в чём-то более удобном.

— А вы?

— Я тоже приду.

— В качестве приманки?

— В качестве женщины, которую все считают слишком осторожной, чтобы рисковать.

— И вы хотите, чтобы я поверила, будто это не так?

Екатерина улыбнулась.

— Я хочу, чтобы вы были рядом.

Эти слова могли быть приказом. Могли — просьбой. Но сказаны они были так, что Вероника ощутила под ними ещё один смысл.

Необходимость.

Опасность.

Любопытство.

— В каком качестве? — спросила она.

— В качестве Екатерины Дашковой.

— Удобно. Я как раз временно занимаю её тело.

Екатерина долго смотрела на неё.

— Вот теперь вы говорите совсем иначе.

Вероника поняла, что сказала лишнее. Но Екатерина лишь взяла со стола письмо и спрята-
тала его в рукав.

— Сегодня ночью, княгиня, постарайтесь никого не любить.

— Это распоряжение?

— Совет.

— А если я не привыкла следовать советам?

— Тогда хотя бы не любите тех, кто носит жемчужные стрелы.

Вероника замерла.

Екатерина уже отвернулась, но в её голосе впервые появилась тень усталости.

— До полуночи.

Глава 6. Ошибка в безупречном письме

Вероника вернулась домой перед самым закатом и заперлась в кабинете.

Она разложила на столе три письма: настоящее, поддельное и то, что нашла в собственном корсете. Последнее было не письмом, а инструкцией. Первые два отличались настолько мало, что обычный человек не увидел бы разницы.

Но математика редко начинается с очевидного.

Вероника поставила рядом свечи одинаковой высоты. Измерила длину строк. Сосчитала количество букв в каждом предложении. Проверила интервалы между словами.

В поддельном письме автор слишком старался быть безупречным.

Именно это его выдавало.

В настоящих письмах Дашкова иногда ставила точку ближе к последней букве, чем требовал приличный почерк. В длинных фразах она делала короткую паузу перед союзом «но». В поддельном письме всё было аккуратно: одинаковые отступы, одинаковая длина строк, одинаковые интервалы.

И всё же одна ошибка имелась.

В четвёртой строке после слова «перемена» стоял пробел шире остальных.

Вероника взяла лупу.

На бумаге виднелась слабая царапина. Под ней пряталась крошечная точка чернил. Не пятно, а след от пера, которое коснулось бумаги и тут же было поднято.

Она переписала строку, исключив лишний пробел. Затем прочитала слова, стоящие после каждого подобного знака.

Получилось:

МАСКАРАД. СЕВЕРНАЯ ГАЛЕРЕЯ. ПОЛНОЧЬ. ПРИДИТЕ ОДНА.

— Разумеется, — сказала Вероника. — Всегда «придите одна». Никто никогда не пишет: «возьмите подругу, двух телохранителей и человека, умеющего стрелять».

Она откинулась в кресле.

Князь запретил ей ехать. Екатерина ждала её на маскараде. Неизвестный автор требовал явиться одну. Женщина с жемчужной стрелой, вероятно, была связана с этой ловушкой.

На столе лежал веер.

Вероника раскрыла его и снова увидела стёртую миниатюру. Теперь ей показалось, что женщина на картинке держит не веер, а маленькую книгу. На последней пластине виднелась цифра 0.

«Ищи ноль там, где его быть не может».

Ноль. Не пустота, а начало.

Она вспомнила слова Екатерины: «Вы однажды объяснили мне правила игры».

Значит, настоящая Дашкова уже расследовала что-то вместе с великой княгиней. Возможно, она была не просто доверенным лицом. Возможно, её исчезновение — не случайность.

Вероника встала.

В зеркало она посмотрела уже без страха.

Чужое лицо стало инструментом. Чужое имя — ключом. Чужая репутация — одновременно щитом и мишенью.

В комнату вошёл Михаил.

Он остановился, увидев её в серебристом платье.

— Вы всё-таки собрались.

— Наблюдательно.

— Я запретил вам ехать.

— Вы часто запрещаете то, что не можете контролировать?

— Я пытаюсь спасти вас.

— От маскарада или от ваших кредиторов?

Михаил сжал челюсть.

— Вы не понимаете, во что вмешиваетесь.

— Именно поэтому и вмешиваюсь.

— Екатерина использует вас.

— Все кого-нибудь используют. Вопрос лишь в том, получаешь ли ты что-то взамен.

Он резко подошёл к ней и схватил за запястье.

Внутри тела вспыхнул страх — не её, прежней Дашковой. Но поверх него поднялась ярость Вероники.

— Уберите руку.

— Вы не поедете.

— Уберите.

— Или что?

Вероника посмотрела на его пальцы.

— Или я закричу, что князь Дашков напал на собственную жену. А затем расскажу каждому встречному, что вы проиграли состояние и теперь продаёте чужие тайны.

Он замер.

Вероника медленно высвободила руку.

— Не путайте молчание с покорностью.

Михаил посмотрел на неё так, будто впервые увидел.

— Кто вы?

Вопрос был произнесён тихо.

На этот раз в нём не было злости.

Вероника едва не ответила.

Вместо этого она поправила перчатку.

— Ваша жена.

— Нет.

— Тогда вам придётся привыкнуть.

Он отошёл.

— Я отвезу вас.

— Нет.

— Если вы собираетесь идти в ловушку, я хотя бы буду знать, где вы.

— Вы будете знать только то, что я позволю.

— Екатерина вас погубит.

— Возможно.

Она взяла маску — чёрную, с серебряной линией вокруг глаз.

— Но до этого ей придётся меня найти.

Глава 7. Маска с жемчужной стрелой

Маскарад проходил в большом зале, где зеркала удваивали огни свечей и превращали людей в бесконечную толпу призраков.

Вероника остановилась у входа.

Музыка звучала слишком весело для места, где каждый второй человек что-то скрывал. Дамы в масках смеялись, кавалеры раскланивались, слуги разносили бокалы с вином.

Она чувствовала на себе десятки взглядов.

Платье делало своё дело. Серебристый шёлк обрисовывал фигуру, чёрные ленты подчёркивали талию, а маска оставляла открытыми губы. Вероника заметила, как один молодой офицер забыл поклониться и едва не столкнулся с колонной.

— Осторожнее, сударь, — сказала она, проходя мимо. — Война с колоннами обычно заканчивается поражением.

Офицер покраснел.

Она почти улыбнулась.

При дворе шутка была оружием, если произнести её достаточно спокойно.

Вероника двинулась вдоль стен. Екатерину она пока не видела. Зато заметила нескольких придворных, чьи лица встречала в доме Дашковых. Графиня Софья Бельская — женщина около тридцати лет, в маске цвета слоновой кости. Рядом с ней стоял худой мужчина с серебряной тростью.

На плече графини поблёскивала брошь.

Жемчужная стрела.

Вероника остановилась.

Графиня повернула голову, будто почувствовала её взгляд. Их глаза встретились.
Софья Бельская улыбнулась.

Затем исчезла в толпе.

Вероника пошла следом.

Она не бежала. Бегущий человек привлекает внимание. Она просто меняла направление всякий раз, когда меняла его графиня. Один зал. Второй. Узкий проход с гобеленами. Галерея, где музыка стала тише.

Жемчужная стрела блеснула у лестницы.

— Княгиня?

Вероника обернулась.

Перед ней стоял мужчина в маске лисы.

— Я не княгиня, — ответила она.

— При дворе это редкая честность.

— Или плохое зрение.

Он засмеялся.

— Вы не помните меня?

— Сегодня я вообще мало кого помню.

— Позвольте проводить вас.

— Нет.

— Здесь легко заблудиться.

— Тем более мне полезно не водить компанию с незнакомцами.

Он сделал шаг вперёд. Вероника заметила, что его правая рука скрыта под плащом.

— Вы были очень смелой до своего несчастья, — сказал он.

— А после стала скучной?

— После стали опасной.

— Это комплимент?

— Предупреждение.

Вероника бросила взгляд через его плечо. В конце галереи мелькнуло серебристое платье.

Екатерина.

Но рядом с ней стояла другая женщина.

Великая княгиня была в маске цвета голубого льда. Она держала веер и говорила с высоким мужчиной в красном камзоле. Случайно встретиться взглядами Екатерина не могла — слишком точно она смотрела на Веронику.

Значит, заметила.

Вероника повернулась к мужчине в маске лисы.

— Передайте тому, кто вас послал, что я не получила его предупреждения.

— Я не понимаю.

— Вот видите. Уже начинаете лгать.

Она резко развернулась и пошла к лестнице.

За спиной послышался шорох.

Графиня Бельская стояла внизу. Её жемчужная стрела исчезла с плеча.

Вероника ускорила шаг.

Кто-то толкнул её в спину. Маска слетела и повисла на ленте. В ту же секунду из пальцев исчез веер.

Вероника обернулась.

Графиня уже бежала по служебному коридору.

— Стойте!

Несколько гостей повернули головы. Музыка в дальнем зале продолжала играть.

Вероника подхватила юбки и бросилась следом.

Служебный коридор был тесным, стены — голыми, пол — скользким от воска. Графиня двигалась удивительно быстро. Она свернула за угол и исчезла.

Вероника остановилась.

Впереди были три двери.

Первая вела на кухню. Вторая — в кладовую. Третья казалась частью стены.

Она провела ладонью по панели.

Ноль там, где его быть не может.

На резной раме отсутствовал один декоративный элемент. Все цветочные завитки повторялись, кроме одного. Там, где должен был быть маленький круг, находилась пустая выемка.

Вероника надавила.

Панель открылась.

Из темноты пахло холодным камнем.

— Вы всё-таки нашли дверь, — произнесла Екатерина.

Вероника резко обернулась.

Великая княгиня стояла в проходе одна. Маска скрывала верхнюю часть лица, но улыбку Вероника видела.

— Вы знали, что она здесь?

— Подозревала.

— И позволили мне бежать за графиней?

— Вы бы всё равно побежали.

— Это не ответ.

— Это единственный честный ответ.

Екатерина подошла ближе. В узком коридоре им пришлось стоять почти вплотную. Её плечо коснулось плеча Вероники.

— Где веер?

— Украден.

— Значит, его забрали.

— Вы говорите так, будто я сама отдала его.

— Возможно, так и было задумано.

Вероника хотела возразить, но заметила на рукаве Екатерины тёмное пятно.

— Вы ранены?

— Нет.

— Кровь.

Екатерина взглянула на рукав.

— Не моя.

— Чья?

— Не знаю.

Из-за тайной двери донёсся звук шагов.

Екатерина мгновенно схватила Веронику за руку и втянула её внутрь. Дверь закрылась почти бесшумно.

Они оказались в узкой каменной галерее. В стенах имелись щели, через которые можно было видеть соседние комнаты. В одной из них графиня Бельская стояла перед письменным столом и кому-то что-то передавала.

— Она здесь, — прошептала Вероника.

Екатерина стояла так близко, что Вероника ощущала тепло её тела сквозь ткань платья.

— Тише.

— Я умею говорить тихо.

— Вы умеете говорить всё, что думаете.

— А вы умеете делать вид, что не думаете ни о чём.
На мгновение Екатерина посмотрела на её губы.
Взгляд длился всего секунду, но Вероника его заметила.
Затем в соседней комнате раздался голос:
— Веер у нас. Но теперь их двое.
Другой голос ответил:
— Значит, цена удвоилась.
Екатерина напряглась.
Вероника прижалась к стене, вслушиваясь.
— А если великая княгиня догадается?
— Она догадается. Вопрос в том, когда.
— Что делать с Дашковой?
Наступила пауза.
— Пока ничего. Пусть думает, что заняла чужое место.
Шаги приблизились.
Екатерина положила ладонь Веронике на губы.
Прикосновение было лёгким, но властным. Вероника замерла. В тесной темноте слышалось только их дыхание.
Дверь галереи дрогнула.
Кто-то снаружи пытался её открыть.
Екатерина убрала руку и достала из рукава маленький кинжал.
Вероника посмотрела на него.
— Вы всегда носите оружие?
— Только когда собираюсь на праздник.
— А я думала, вы приехали танцевать.
— Танцевать можно и с кинжалом.
Дверь снова дрогнула.
Затем снаружи раздался голос графини:
— Не здесь. Они уже ушли.
Шаги удалились.
Екатерина подождала ещё несколько мгновений и открыла потайной выход с другой стороны галереи.
Они вышли в пустую комнату, заставленную старой мебелью.
На столе лежал веер.
Вероника бросилась к нему, но остановилась в шаге.
— Не трогайте, — сказала Екатерина.
На веере появилась новая надпись. Её сделали прямо поверх старой миниатюры чёрными чернилами:
ТЕПЕРЬ ВАС ДВОЕ. ЗНАЧИТ, ЦЕНА УДВОИЛАСЬ.
Екатерина прочитала послание и медленно подняла глаза.
— Что вы сделали до того, как попали в аварию?
— Я не знаю.
— Кто-то другой знает.
— Тогда нам следует найти этого человека.
— Нам?
— Вы сами сказали, что нас теперь двое.
Екатерина взяла веер, не касаясь надписи пальцами.
— С этой минуты, княгиня, вы не отходите от меня.
— Это приказ?

— Нет.

— Что же?

Екатерина чуть наклонилась к ней.

— Ошибка.

— Чья?

— Пока не решила.

Глава 8. Договор без подписей

Они покинули дворец через боковую лестницу.

Екатерина шла быстро, не оглядываясь. Вероника следовала за ней, придерживая юбки и стараясь не думать о том, насколько странно выглядит происходящее: ещё утром она была преподавательницей математики, а теперь пробиралась по тёмным коридорам императорского дворца вслед за женщиной, которая однажды станет императрицей.

На улице их ждала закрытая карета.

— Вы заранее всё подготовили? — спросила Вероника.

— Я редко позволяю событиям подготовить меня.

— Это звучит как признание в тщеславии.

— Я не отрицаю.

Екатерина вошла в карету. Вероника последовала за ней.

Внутри было темно и тесно. Дождь постукивал по крыше, колёса скользили по мокрой мостовой.

Некоторое время они молчали.

Веер лежал между ними.

— Графиня Бельская работает на ваших врагов? — спросила Вероника.

— Возможно.

— Вы доверяете ей?

— Нет.

— Тогда почему она всё ещё при дворе?

— Потому что человек полезнее, когда считает себя незамеченным.

— Вы знали о тайной галерее.

— Знала.

— Знали о письме.

— Подозревала.

— Знали о веере.

— Не знала, что его украдут именно сегодня.

— А о женщине с жемчужной стрелой?

Екатерина впервые за вечер отвела взгляд.

— Знала.

— Кто она?

— Женщина, которая полагает, что моё будущее принадлежит ей.

— Это очень неопределённое описание.

— При дворе точность опаснее неопределённости.

Вероника подалась вперёд.

— Екатерина Алексеевна, если вы хотите, чтобы я помогла вам, вам придётся перестать говорить загадками.

— Вы уже согласились помочь?

— Я согласилась не умереть в чужой истории.

— А если для этого нужно будет помочь мне?

— Тогда выставлю условия.

Екатерина улыбнулась.

— Вы всегда были такой?

— Насколько я помню — да.

— Нет. Прежде вы были смелее.

— А теперь?

— Теперь вы осторожнее. И потому опаснее.

Карета замедлилась. За окном проплывали огни.

Вероника коснулась веера.

— Настоящая Дашкова расследовала это общество?

Екатерина молчала.

— Вы знали, что она исчезнет?

— Я знала, что ей угрожают.

— И ничего не сделали?

— Я пыталась.

— Недостаточно.

Екатерина резко посмотрела на неё.

— Вы думаете, я не знаю?

Впервые в её голосе прозвучала не выдержка, а боль.

— Я думаю, что вы привыкли рассчитывать людей, как фигуры на доске.

— А вы — числа, как будто они никогда не предают.

— Числа не предают.

— Нет. Они просто показывают, насколько человек ошибся.

Карета остановилась.

Екатерина не выходила.

— Я не могу защитить вас открыто, — сказала она. — Если вы станете моей близкой подругой, это заметят. Если станете моей противницей, вас уничтожат. Если займёте место между этими ролями, вы окажетесь полезны всем и не нужны никому.

— Утешительная перспектива.

— Поэтому я предлагаю вам союз.

— Союз между великой княгиней и замужней княгиней, которую подозревают в измене?

— Именно.

— Что вы хотите от меня?

— Вы будете искать тех, кто создаёт поддельные письма и управляет слухами. Вы будете наблюдать за людьми, которые приближаются ко мне. Вы будете сообщать мне правду, даже если она вам не понравится.

— А взамен?

— Я обеспечу вашу безопасность. Помогу защитить ваш дом от кредиторов. И постараюсь выяснить, что случилось с настоящей... — Екатерина замолчала.

Вероника заметила паузу.

— С настоящей кем?

— С настоящей вами.

В карете стало очень тихо.

Екатерина смотрела на неё без улыбки.

— Не знаю, что произошло в ту ночь, — продолжила она. — Но вы не та Екатерина Романовна, которую я знала.

— Возможно, она просто изменилась.

— Возможно.

— И вы всё равно предлагаете мне союз?

— Я предлагаю его именно потому, что вы изменились.

Вероника откинулась на спинку сиденья.

— Вы понимаете, что я могу солгать?

— Конечно.

— Могу предать.

— Конечно.

— Могу использовать вас.

— Это уже сделано.

— Вами?

— Вами. Вы изучаете меня с момента встречи.

Вероника усмехнулась.

— Вы тоже меня изучаете.

— Иначе я была бы плохой правительницей.

— Вы ещё не правительница.

— Люди начинают становиться теми, кем им суждено быть, задолго до того, как получают титул.

Эта фраза попала точно в цель.

Вероника посмотрела на её лицо, на спокойный изгиб губ, на внимательные глаза. Екатерина была не просто умной. Она обладала той редкой способностью, которая заставляет собеседника говорить больше, чем он собирался.

Опасная женщина.

Именно поэтому от неё не хотелось отступать.

— У меня тоже есть условие, — сказала Вероника.

— Слушаю.

— Не лгите мне о том, что касается расследования.

— Я не обещала говорить всё.

— Тогда обещайте не говорить неправду.

Екатерина задумалась.

— Это трудное условие.

— Значит, оно чего-то стоит.

— Хорошо. Не буду лгать.

— И ещё.

— Вы решили воспользоваться моментом?

— Разумеется. Я математик.

— Что ещё?

— Не прикасайтесь ко мне без разрешения.

Екатерина приподняла бровь.

— Я прикоснулась к вам, чтобы выжить.

— Мне всё равно не понравилось.

— Вы предпочли бы, чтобы нас обнаружили?

— Я предпочла бы выбирать, кто ко мне прикасается.

Екатерина смотрела на неё чуть дольше, чем требовалось.

— Это условие я тоже принимаю.

Она протянула руку.

Вероника пожала её.

Ладонь Екатерины была прохладной. Пальцы — сильными.

Никаких подписей. Никаких свидетелей. Только рукопожатие в тёмной карете и две женщины, каждая из которых скрывала половину правды.

— Теперь расскажите, — сказала Вероника, — что такое «Нулевая сумма».

Екатерина не отпустила её руку сразу.

— Тайное общество.

- Состоящее из кого?
- Из людей, которые считают, что власть принадлежит тому, кто первым угадает чужой ход.
- Это не общество. Это клуб игроков.
- У каждого из них есть причина желать перемены при дворе. Одни хотят денег. Другие — титулов. Третьи — отомстить. Но вместе они способны сделать так, что любой человек будет выглядеть виновным.
- И что им нужно?
- Не знаю.
- Тогда почему вы думаете, что они опасны?
- Потому что три года назад один из них предсказал смерть человека, который ещё был жив.

Вероника нахмурилась.

- Совпадение.
- Через неделю этот человек умер.
- Болезнь?
- Дуэль.
- Убийство?
- Возможно.
- И что общего с Дашковой?

Екатерина наконец отпустила её руку.

- Она узнала, что в списке членов общества есть имя человека, которому я доверяю.
- Кто это?
- Если бы я знала, что могу доверять вам полностью, я бы назвала имя.
- А если нет?
- Тогда назову позже.
- Вы заключили договор и уже нарушаете его.
- Я не солгала. Я всего лишь не сказала всего.

Вероника покачала головой.

- Вы невыносима.
- Мне часто это говорят.
- Но почему-то продолжают возвращаться.

Взгляд Екатерины снова скользнул к её губам. На этот раз Вероника не отвернулась.

Карета качнулась на повороте. Их плечи соприкоснулись.

Вместо того чтобы отодвинуться, Екатерина тихо сказала:

- Вы действительно не помните, что было в ту ночь?
- Нет.
- А если память вернётся?
- Тогда я узнаю, кем была настоящая Дашкова.
- И кем станете вы?

Вероника посмотрела в окно. В тёмном стекле отражались две женщины — одна в голубом, другая в серебристом. Две Екатерины, разделённые столетиями, случайностью и тайной, которая уже успела связать их крепче любого обещания.

- Это зависит от того, какое место мне оставят.

Екатерина чуть наклонила голову.

- Места при дворе не оставляют.
- Тогда я его займу.
- Даже если оно занято?

Вероника повернулась к ней.

— Особенно если занято.

Карета остановилась у дома Дашковых.

Екатерина первой вышла наружу, затем подала Веронике руку. На этот раз она ждала разрешения.

Вероника вложила пальцы в её ладонь.

У крыльца Екатерина задержалась.

— Завтра утром вы получите список гостей маскарада.

— Зачем?

— Один из них связан с «Нулевой суммой».

— А если это вы?

— Тогда вам придётся решить, что делать с собственной союзницей.

— Я найду способ.

— В этом я не сомневаюсь.

Екатерина села в карету.

Вероника стояла под дождём, пока огни не исчезли за поворотом.

Затем она вернулась в дом и поднялась в свою комнату.

На подоконнике лежал украденный веер.

Она не слышала, как кто-то вошёл. Не видела, как его оставили.

На внутренней стороне последней пластины появилась новая надпись:

ПЕРВОЕ МЕСТО ЗАНЯТО. ТЕПЕРЬ УЗНАЙ, КТО ГОТОВИТ ВТОРУЮ ПЕРЕМЕНУ.

Под ней стоял знак чёрного круга.

В центре круга была маленькая точка.

Ноль.

Вероника медленно закрыла веер.

За дверью послышались шаги.

Кто-то остановился прямо напротив её комнаты.

Она погасила свечу и взяла со стола тяжёлую серебряную чернильницу.

Шаги не удалялись.

Тогда Вероника поняла: в этом доме уже знали, что она вернулась.

Только никто ещё не знал, кто именно вернулся — Екатерина Дашкова или женщина, которая собиралась занять её место.

Глава 9. Музыка простых чисел

Вероника простояла у двери почти минуту, сжимая в руке тяжёлую чернильницу.

Шаги за дверью не повторялись. Но она знала: кто-то стоял там, в темноте коридора, и слушал её дыхание.

Она медленно опустила чернильницу на стол. Затем взяла подсвечник и, не зажигая свечи, подошла к двери. Ручка была холодной. Вероника нажала на неё бесшумно.

Коридор был пуст.

Только в дальнем конце мелькнула тень. Или показалось.

Вероника закрыла дверь и задвинула засов. Импровизированная защита, конечно, не остановила бы того, кто действительно хотел войти, но давала время.

Она вернулась к вееру.

Стоящий на подоконнике, он казался безобидным предметом: потемневшие пластины, стёртая миниатюра, тонкие прожилки слоновой кости. Только надпись на внутренней стороне напоминала о том, что этот веер уже дважды появлялся в её жизни без объяснений.

Вероника зажгла свечу и поднесла её к пластинам.

При боковом свете на обратной стороне проступили едва заметные линии. Не царапины. Не трещины. Музыкальные знаки — ноты, переплетённые с чёрточками, похожими на паузы.

Она нахмурилась.

Ноты были нанесены не чернилами, а выцарапаны иглой. Слишком тонко для обычного взгляда. Слишком аккуратно для случайного рисунка.

— Нотная запись, — пробормотала Вероника. — Зачем? Чтобы я запела?

Но она уже знала ответ.

Простые числа.

Она пересчитала ноты. Их было девятнадцать. Те же числа, что и в записке под корсетом, и в шифре письма. Девятнадцать знаков — и каждый соответствовал одному из первых простых чисел.

Вероника взяла лист бумаги и начала записывать.

Первая нота — «до». Вторая — «ре». Третья — «ми». Седьмая — «си». Одиннадцатая — снова «до», но на октаву выше.

Она сопоставила ноты с числами, а числа — с буквами алфавита. Получалась бессмыслица.

Тогда она попробовала иначе.

Вместо букв — страницы. Вместо алфавита — главы.

Ноты указывали на книги. Каждая — на свою. Но где искать эти книги?

Вероника перевернула веер и рассмотрела миниатюру. Женщина, которую она принимала за Дашкову, держала в руках нечто похожее на книгу. Но на самом деле это была не книга.

Каталог.

Вероника узнала переплёт — такой же, как в библиотеке Дашковых, где она видела старые описи. В правом нижнем углу миниатюры виднелась едва заметная буква «Д».

— Дворцовая библиотека, — сказала она вслух.

Мысль, что кто-то в XVIII веке зашифровал нотную запись, указывающую на книги в императорском собрании, была абсурдной. Но Вероника уже перестала удивляться.

Она переписала последовательность нот на отдельный лист и вынула из сундука карту Петербурга, найденную в кабинете настоящей Дашковой. Дворцовая библиотека находилась в восточном крыле. В её описи значилось почти десять тысяч томов.

— Отлично, — сказала Вероника. — Просто иголка в стоге сена. С нотной подсказкой.

Она посмотрела на часы, которых у неё не было. Где-то за окнами пробило полночь.

Утром Вероника проснулась от стука в дверь. Акулина принесла завтрак и записку.

— От великой княгини, — сказала служанка, не поднимая глаз.

Вероника развернула лист. Почерк был изящным, но быстрым:

«Сегодня в полдень. Библиотека. Ждите меня у входа.

Е.А.»

Вероника спрятала записку в рукав.

— Князь Михаил Иванович уехал? — спросила она.

— С утра, государыня. Сказал, что вернётся к вечеру.

— Хорошо. Велите подать карету к одиннадцати.

Акулина кивнула и вышла.

Вероника села за стол и снова разложила ноты. Девятнадцать знаков. Девятнадцать книг? Или девятнадцать страниц в одной книге?

Она закрыла глаза и представила библиотеку XVIII века. Высокие шкафы. Кожаные переплёты. Томы, стоящие в строгом порядке. Если бы она искала тайник, она спрятала бы его не в случайной книге, а в той, которую никто не возьмёт.

— Математика, — прошептала она. — Ну давай, помоги.

Она перевела ноты в числа, затем в номера полок, если считать слева направо. Получилось пять полок, на которых должны были стоять книги с определёнными номерами.

— Слишком просто, — сказала она. — Но иногда простота и есть шифр.

Библиотека встретила её запахом старой бумаги и воска.

Вероника вошла в главный зал, где свет пробивался сквозь высокие окна и ложился на ряды корешков. Здесь было тихо. Только где-то вдалеке шуршали страницы — библиотекарь перелистывал фолиант.

Она подошла к первой полке.

— Княгиня Дашкова?

Вероника обернулась. За ней стоял молодой человек в скромном сером кафтане. Его лицо показалось ей знакомым.

— Андрей Вяземский, — представился он. — Я служу при библиотеке. Великая княгиня просила передать, что задержится на полчаса. Она велела мне помочь вам, если понадобится.

Вероника посмотрела на него внимательнее. В его голосе не было подобострастия. Только спокойная готовность.

— Вы знаете, зачем я пришла? — спросила она.

— Нет, княгиня. Но великая княгиня сказала, что вы будете искать книги с необычными отметками.

— С какими?

— С теми, которых нет в каталоге.

Вероника почувствовала, что Екатерина снова опередила её.

— Покажите, где хранятся описи.

Андрей провёл её в малый читальный зал, где на дубовом столе лежали несколько толстых книг в потёртых переплётах.

— Это полный каталог дворцовой библиотеки, — сказал он. — Составлен пять лет назад.

Вероника раскрыла первую страницу. Имена авторов, названия, год издания. Всё как положено.

Но она искала не названия.

Она искала числа.

Она пролистала каталог до середины и заметила странность: на странице 113 был пропуск. Между двумя записями стояло пустое место, хотя нумерация не нарушалась.

— Здесь должна быть книга, — сказала она.

Андрей наклонился.

— Странно. Я не помню пропусков.

— Вы знаете все книги?

— Почти все. Я работаю здесь три года.

Вероника подняла голову.

— Три года?

— Да.

— И за это время вы не заметили, что какая-то книга исчезла?

Андрей помедлил.

— Заметил. Но подумал, что её просто переставили.

— Куда?

— Не знаю.

Вероника взяла каталог и подошла к шкафу, который соответствовал номеру на странице. Книг там было ровно столько, сколько значилось в списке.

Но одна из них стояла чуть криво.

Она вытащила её. Том на латыни, без названия на корешке. Переплёт был новее остальных.

Вероника раскрыла книгу.

Внутри, на первой странице, стоял ряд цифр:

2-3-5-7-11-13-17-19

И под ними:

«Лист 47. Строка 12. Слово 9».

Она перелистнула на 47-ю страницу. Двенадцатая строка. Девятое слово.

«Читай дальше».

Вероника усмехнулась.

— Очень изобретательно.

Она закрыла книгу и протянула её Андрею.

— Вы знаете, где хранятся документы старше десяти лет?

— В восточном крыле. Но там не всё разобрано.

— Тогда пошлите.

Восточное крыло было меньше, темнее и пыльнее. Здесь пахло сыростью и плесенью. На стеллажах лежали горы бумаг — письма, указы, отчёты, счета.

Вероника остановилась у первого шкафа.

— Ищите всё, что связано с именами. Любые списки. Особенно те, где есть даты.

Андрей кивнул и принялся перебирать папки.

Вероника тоже работала. Она знала, что ищет не просто бумаги — она искала систему. Если общество «Нулевая сумма» подделывало письма, оно должно было оставить следы. Математический след.

Через час Андрей окликнул её.

— Вот, княгиня.

Он протянул ей пожелтевший лист. Это был список имён, написанный разными почерками. Каждое имя сопровождалось датой и короткой пометкой.

Вероника пробежала глазами.

— Это что?

— Список людей, которым отправляли письма из дворцовой канцелярии за последний год. Не все письма, только те, что не были зарегистрированы в журнале.

— Как вы нашли его?

— Он лежал в папке с надписью «Сгоревшие бумаги». Но папка не была сожжена.

Вероника села на край стола.

В списке значились имена, которые она уже встречала на маскараде: графиня Бельская, статс-секретарь Ланский, несколько военных. И ещё одно, которое заставило её замереть.

Екатерина Дашкова.

Дата стояла за три дня до аварии.

— Значит, настоящая Дашкова получала письма, — прошептала Вероника. — Но она не говорила об этом великой княгине.

— Может быть, она не успела, — тихо сказал Андрей.

Вероника подняла на него глаза.

— Вы знали её?

— Немного. Она иногда приходила в библиотеку. Чаше других.

— И что вы заметили?

Андрей помолчал.

— Она всегда искала одну и ту же книгу. Но никогда не брала её. Просто смотрела на корешок и уходила.

— Какую книгу?

Андрей указал на верхнюю полку.

— Вон ту. С зелёным переплётом.

Вероника взяла книгу. Это был трактат по геометрии, изданный в Лейпциге. Она открыла его на титульном листе.

На полях, мелким почерком, было написано:

«Ноль не равен отсутствию. Он равен возможности начать сначала».

Подпись: Е.Д.

Вероника провела пальцем по буквам. Почерк был таким же, как на письмах, которые она видела в кабинете Дашковой. Значит, настоящая княгиня оставила ей послание.

Она перелистнула несколько страниц. В каждой главе, на полях, стояли числа. В одной — 3. В другой — 7. В третьей — 13.

Вероника записала их.

3-7-13.

Она взяла список, найденный Андреем, и сопоставила имена с этими числами.

Третье имя в списке. Седьмое. Тринадцатое.

Все трое были женщинами. Все трое состояли при дворе. И все трое исчезли из столицы за месяц до аварии Дашковой.

— Они знали, — сказала Вероника. — Они знали, что кто-то охотится на людей, способных читать шифры.

— Кто? — спросил Андрей.

— Пока не знаю. Но я знаю, где искать.

Она закрыла книгу и посмотрела на список.

Внизу, почти незаметно, стояла пометка:

«Все письма ведут к нулю. Ищи того, кто считает себя единицей».

Вероника убрала лист в рукав.

— Андрей, вы можете сохранить это в тайне?

— От кого?

— От всех.

Молодой человек кивнул.

В этот момент в дверях показалась фигура в голубом платье.

Екатерина вошла бесшумно, как всегда. Она остановилась на пороге и окинула взглядом разбросанные бумаги, открытые книги и слегка растрёпанную Веронику.

— Вы нашли что-то важное, — сказала она.

Это не было вопросом.

Вероника подняла на неё глаза.

— Я нашла список получателей поддельных писем. И книгу, которую настоящая Дашкова читала перед исчезновением.

Екатерина подошла ближе. Взгляд её упал на зелёный переплёт.

— Геометрия?

— С подсказками.

— Какими?

— Тремя именами. Тремя женщинами. Все исчезли.

Екатерина нахмурилась.

— Я помню их.

— Вы знали, что они исчезли?

— Знала. Думала, они уехали по своим делам.

— Они не уехали. Их вывезли.

Екатерина медленно перевела взгляд на Веронику.

— Кто?

— Тот, кто пишет поддельные письма. Он не просто подставляет людей. Он собирает тех, кто может его вычислить.

— И вы считаете, что он знает о вас?

Вероника выдержала её взгляд.

— Я считаю, что он знал о настоящей Дашковой. И теперь он знает, что она вернулась. Екатерина молчала.

— Вы боитесь? — спросила она.

Вероника усмехнулась.

— Я математик. Мы не боимся неизвестного. Мы решаем его.

— И какое решение у вас есть?

Вероника подняла книгу.

— Я думаю, Дашкова оставила мне не просто имена. Она оставила мне способ отличить правду от подделки. Каждое письмо в этом списке содержит одну ошибку. Ошибку, которую заметит только тот, кто знает, как считать.

Екатерина смотрела на неё с выражением, которое Вероника не могла прочесть.

— Вы не перестаёте удивлять меня.

— Это только начало.

Екатерина протянула руку и коснулась корешка книги. Не её руки — книги, как будто проверяя, настоящая ли она.

— Тогда начнём, — сказала она.

Вероника посмотрела на её пальцы, на тонкую линию запястья, на спокойное лицо.

— У нас есть ещё одна проблема, — сказала она.

— Какая?

— Тот, кто оставил эту книгу, знает, что я буду искать. И он оставил мне ещё одну подсказку.

— Какую?

Вероника раскрыла книгу на последней странице.

Там было написано одно слово:

«Нулевая».

— Он хочет, чтобы я пришла к нему, — сказала Вероника.

— Вы не пойдёте.

— Я уже иду.

Екатерина резко повернулась к ней.

— Вы не знаете, что там.

— Зато вы знаете.

— Не всё.

— Тогда пойдёмте вместе.

На мгновение Екатерина замерла.

Затем она медленно убрала руку.

— Вы понимаете, что если мы войдём туда вместе, мы больше не сможем отрицать наш союз?

— Я никогда не отрицала его.

— При дворе будут говорить.

— Они уже говорят.

— Вы готовы к этому?

Вероника посмотрела на неё прямо.

— Я готова к тому, что правда стоит больше, чем слухи.

Екатерина долго молчала. Потом её губы дрогнули в едва заметной улыбке.

— Тогда завтра в полночь, — сказала она. — Я пришлю за вами карету.

Она вышла так же бесшумно, как вошла.

Вероника осталась одна в пыльной комнате, среди разбросанных бумаг и открытых книг.

Она снова посмотрела на последнюю страницу.

Слово «Нулевая» было написано не чернилами.

Оно было выдавлено на бумаге — как будто автор писал без чернил, оставляя след только давлением пера.

Вероника провела пальцем по впадинам букв.

Под ними, почти невидимая, проступала ещё одна строка:

«Ты уже на месте. Теперь осталось только занять его».

Она закрыла книгу и положила её в сумку.

За окном закат окрашивал Петербург в золотой и багровый.

Вероника стояла у окна и смотрела на город, который не был её городом, на время, которое не было её временем.

— Хорошо, — сказала она. — Я займу.

Она улыбнулась собственному отражению в тёмном стекле.

— Но только на своих условиях.

Глава 10. Салон графини Бельской

Следующие два дня Вероника провела за чтением.

Она перечитывала письма из списка, сравнивала почерки, считала интервалы и частоту повторяющихся букв. Каждое поддельное послание содержало одну ошибку — не грамматическую, не смысловую. Математическую. Неправильное распределение пробелов, лишняя точка в последовательности, сбой в ритме строк.

К вечеру второго дня она знала: все письма вышли из одного места. И это место находилось в доме графини Софьи Бельской.

Вероника отложила бумаги и подошла к зеркалу.

Акулина уже приготовила платье — тёмно-зелёное, с серебряной вышивкой по корсажу. Скромнее, чем на маскараде, но достаточно заметное, чтобы в салоне графини на неё обратили внимание.

— Вы поедете одна? — спросила служанка.

— Нет. Со мной будет Андрей Вяземский.

— Молодой библиотекарь?

— Он знает графиню. И он мне нужен как свидетель.

Акулина нахмурилась, но ничего не сказала.

Салон графини Бельской находился в особняке на набережной. Вероника вышла из кареты и остановилась у высоких дверей. За ними слышались голоса, смех, звон бокалов.

— Вы уверены, княгиня? — тихо спросил Андрей, стоявший рядом.

— Нет. Но это не отменяет необходимости войти.

— Что я должен делать?

— Смотреть, слушать и запоминать. Если я подам знак — подойдите и скажите, что великая княгиня ждёт меня срочно.

Андрей кивнул.

Они вошли.

Гостиная была просторной: высокие потолки, зеркала в золочёных рамах, хрустальные люстры, горящие свечами. Мебель расставлена так, чтобы каждый мог видеть каждого. В центре стоял ломберный стол, вокруг которого собралось не меньше двадцати человек.

Графиня Бельская встретила их у входа.

Она была в платье цвета слоновой кости, с жемчужным ожерельем на шее. Но брошь в виде стрелы отсутствовала. Вероника заметила это сразу.

— Княгиня Дашкова, — произнесла графиня с улыбкой, которая не касалась глаз. — Какая неожиданная честь. Вы редко посещаете мои вечера.

— Я решила, что настало время расширить круг знакомств.

— После вашего несчастья?

— После моего выздоровления.

Графиня взяла её под руку и провела в центр зала.

— Здесь собираются самые интересные люди Петербурга, — сказала она. — Поэты, учёные, игроки. Люди, которые умеют думать не так, как все.

— Тогда я здесь не ошиблась.

— Вы всегда отличались острым умом, княгиня.

— А вы — острым любопытством.

Бельская чуть прищурилась, но улыбка не исчезла.

— Вы остроумны, как всегда.

— Я просто говорю то, что вижу.

Графиня отпустила её руку и жестом указала на кресло у камина.

— Располагайтесь. Сегодня у нас будет игра.

— Какая?

— Математическая. Один из наших гостей недавно вернулся из Лейпцига и привёз новую головоломку. Говорят, её нельзя решить без знания теории вероятностей.

Вероника села.

«Она знает, — подумала она. — Она знает, кто я. Или, по крайней мере, подозревает».

В центре зала уже собралась небольшая группа. Мужчина в тёмно-синем кафтане, очевидно, тот самый путешественник, разложил на столе колоду карт и несколько монет.

— Правила просты, — сказал он. — Я загадываю число от одного до десяти. Вы делаете ставку. Если угадываете — выигрываете. Если нет — теряете. Но я буду менять число каждый раз, и вы не знаете, по какому закону.

— Это не игра, — сказал кто-то из гостей. — Это лотерея.

— Именно. Но лотерея, которую можно выиграть, если знать вероятность.

Вероника поднялась.

— Можно мне попробовать?

Все обернулись.

Путешественник улыбнулся.

— Княгиня Дашкова. Я слышал, вы любите задачи.

— Я люблю задачи, у которых есть решение.

— А если у этой задачи нет решения?

— Тогда это не задача, а обман.

Она подошла к столу.

— Вы будете менять число по определённом правилу. Например, каждый раз увеличивать его на два, потом на три, потом снова на два. Или использовать последовательность простых чисел.

Путешественник нахмурился.

— Откуда вы знаете?

— Я не знаю. Я предполагаю. Но я могу проверить.

Она взяла монету и положила на стол.

— Первая ставка. Я ставлю на число семь.

Она выиграла.

— Вторая. На число пять.

Снова выиграла.

— Третья. На число три.

И снова.

Гости зашумели. Вероника повернулась к путешественнику.

— Ваша последовательность — простые числа в обратном порядке. Сначала семь, потом пять, потом три. Следующее будет два.

Он побледнел.

— Откуда вы знаете?

— Я знаю, как искать закономерности. Этому учит математика.

Она обвела взглядом гостей. Все смотрели на неё с любопытством, уважением, а кое-кто — с тревогой.

Вероника улыбнулась.

— Но давайте сделаем игру интереснее. Я предлагаю не угадывать числа, а угадывать, кто из присутствующих получил письмо, содержание которого он не должен был знать.

В зале стало тихо.

Графиня Бельская подошла ближе.

— Что вы имеете в виду, княгиня?

— Я имею в виду, что среди нас есть люди, которые заранее знают содержание писем, отправленных от имени других. Писем, которых они не писали, но о которых осведомлены.

— Это серьёзное обвинение.

— Это не обвинение. Это игра.

Вероника достала из рукава несколько листов — копии писем, которые она переписала вчера.

— Я раздам каждому по одному письму. В каждом письме есть одна ошибка. Ошибка, которую может заметить только тот, кто уже видел это письмо раньше.

— И что будет, если мы заметим?

— Тогда вы выиграете.

Гости переглянулись.

Графиня взяла один из листов.

— Хорошо, — сказала она. — Давайте играть.

Вероника раздала письма. Она наблюдала за лицами, за руками, за дыханием.

Некоторые читали внимательно. Другие — бегло. Третьи — не читали вовсе, сразу откладывали в сторону.

Но одна женщина, сидевшая в углу, побледнела, когда взяла письмо. Она пробежала его глазами и медленно положила на стол.

Вероника подошла к ней.

— Вы заметили ошибку?

Женщина подняла глаза. Это была молодая брюнетка с острыми чертами лица. Она явно хотела что-то сказать, но промолчала.

Вероника наклонилась.

— Если вы знаете, кто написал это письмо, вы можете сказать мне. Никто не узнает.

— Я не знаю, — прошептала женщина.

— Вы лжёте.

— Я боюсь.

— Чего?

— Того, что последует за правдой.

Вероника выпрямилась.

Она обернулась к графине Бельской, которая стояла у камина и наблюдала за происходящим с выражением, которое трудно было назвать доброжелательным.

— Графиня, — громко сказала Вероника. — Ваши гости слишком робки. Может быть, вы покажете им пример?

Бельская улыбнулась.

— Охотно.

Она взяла письмо, которое лежало на столе, и прочитала его вслух.

— «Дорогой князь, я прошу вас не посещать заседание в четверг, ибо оно будет опасным. Ваш преданный друг.»

Графиня подняла глаза.

— Ошибка здесь, — сказала она, указывая на слово «четверг». — В оригинальном письме стояло «вторник». Тот, кто подделывал, перепутал дни.

Вероника почувствовала, как холод пробежал по спине.

Графиня знала содержание письма. Но она не могла знать его, если не видела оригинал.

— Вы правы, — сказала Вероника. — Это ошибка.

— Тогда я выиграла?

— Да.

— Каков же приз?

Вероника посмотрела на неё.

— Правда.

— Какая?

— Зачем вы подделываете письма?

Гости ахнули.

Графиня рассмеялась.

— Вы обвиняете меня, княгиня?

— Я не обвиняю. Я спрашиваю.

— На каком основании?

— На основании того, что вы только что прочитали письмо, которое не видели раньше. Но вы знали его содержание. Вы знали день недели. Вы знали ошибку. Вы знали всё, кроме автора.

— Я просто внимательно читаю.

— Нет. Вы читаете то, что уже знаете.

Графиня медленно положила письмо на стол.

— Вы смелы, княгиня. Но смелость при дворе часто ошибочна.

— Я готова ошибаться.

— Тогда ошибайтесь.

Графиня повернулась к гостям.

— Вечер окончен. Прошу всех покинуть зал.

Гости начали расходиться. Вероника осталась на месте.

Андрей подошёл к ней.

— Нам нужно уйти, — тихо сказал он.

— Нет. Я хочу поговорить с ней.

— Она не будет говорить.

— Тогда я заставлю.

Графиня стояла у камина, спиной к ним.

— Вы остались, княгиня?

— Я осталась, чтобы сказать вам: я знаю, что вы работаете на «Нулевую сумму».

— Это смешно.

— Нет. Это правда. И если вы не скажете мне, кто стоит за вами, я расскажу великой княгине всё, что нашла.

Графиня повернулась.

На её лице не было страха.

— Вы думаете, великая княгиня не знает?

Вероника замерла.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что Екатерина Алексеевна давно знает, кто пишет поддельные письма. Она использует их. Она позволяет им существовать.

— Зачем?

— Затем, что ей выгодно знать, кто её враги. А вы, княгиня, слишком умны, чтобы быть просто орудием. Но слишком доверчивы, чтобы быть правительницей.

Вероника сжала руки в кулаки.

— Вы лжёте.

— Проверьте.

Графиня подошла к ней.

— В письмах, которые вы нашли, нет ни одного, которое было бы направлено против великой княгини. Все они направлены против её врагов. Вы не замечали?

Вероника открыла рот, но не нашла слов.

— Я замечала, — сказала она наконец.

— Тогда почему вы решили, что я ваш враг?

— Потому что вы украли веер.

— Я не крада веер. Я нашла его. И вернула вам.

— Вы оставили его на подоконнике.

— Да. Потому что он должен был быть у вас.

Вероника посмотрела в глаза графини.

— Вы работаете на неё?

— Я работаю на себя. Но я уважаю тех, кто умнее меня.

— А кто умнее?

— Великая княгиня, например. И вы, княгиня. Но вы слишком заняты поисками врагов, чтобы увидеть, что враг рядом.

— Где?

Графиня указала на дверь.

— Там. Человек, который ждёт вас снаружи.

Вероника резко обернулась.

За дверью стояла фигура в тёмном плаще.

Она вышла в коридор.

Перед ней стоял Михаил Дашков.

— Вы следили за мной?

— Я защищал вас.

— От кого?

— От неё.

Он указал на дверь, за которой осталась графиня.

— Она опасна, Екатерина. И она играет с вами.

— Она сказала, что работает на великую княгиню.

— Она сказала вам то, что вы хотели услышать.

Вероника почувствовала, как внутри закипает гнев.

— Вы лжёте мне, Михаил.

— Я никогда не лгал вам.

— Вы лжёте сейчас.

Он шагнул ближе.

— Я не лгу. Я просто не говорю вам всего. Это разные вещи.

— Не для меня.

Она развернулась и пошла к выходу.

Михаил догнал её.

— Куда вы?

— Домой.

— Я отвезу вас.

— Нет. Меня проводит Андрей.

Она кивнула библиотекарю, который ждал у дверей. Андрей подошёл и взял её под руку.

Михаил смотрел им вслед с выражением, в котором смешались гнев, страх и что-то ещё.

Что-то, похожее на сожаление.

В карете Вероника молчала.

Андрей не решался заговорить первым.

Наконец Вероника сказала:

— Андрей, вы знаете, что такое «Нулевая комната»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.